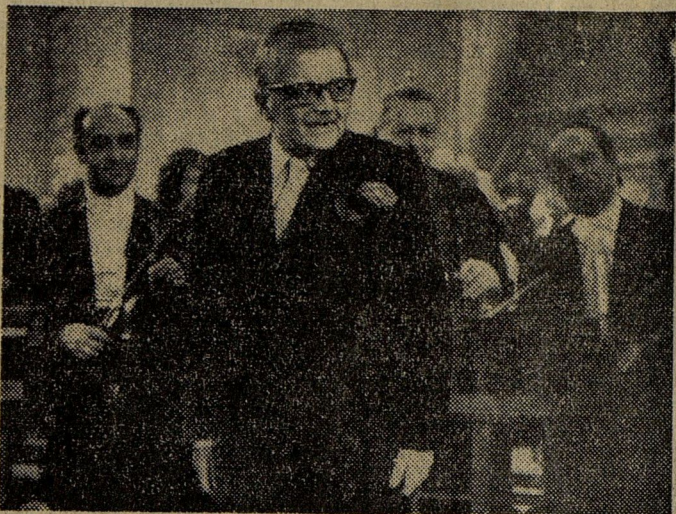

«Лит. газета» 1976, 22 сент. №38
К. КОНДРАШИН,
народный артист СССР

ВСПОМИНАЯ

ШОСТАКОВИЧА

В 1960 ГОДУ я начал работать в Московской филармонии. К тому времени в моем репертуаре из произведений Д. Д. Шостаковича, кроме Первой и Пятой симфоний, были еще только Девятая симфония, «Песнь о лесах» и мелкие пьесы типа «Праздничной увертюры». С большинством крупных подлинно философских сочинений Шостаковича мне еще дела иметь не приходилось. Поэтому я был очень рад, когда руководство Московской филармонии в лице художественного руководителя М. А. Гринберга предложило мне познакомиться с Четвертой симфонией Шостаковича и высказать мнение: стоит ли ее воскрешать и возьмусь ли я за это? Сам Дмитрий Дмитриевич еще не определил своего отношения к этой инициативе Московской филармонии.

Оригинальная партитура симфонии не сохранилась. Восстановленная по оркестровым партиям копия этой партитуры находилась в Ленинграде. Я располагал только переложением для двух фортепьяно и направился к Д. Д. Шостаковичу за консультацией. Он встретил меня очень любезно и сказал: «Прошло столько лет, я многое забыл, партитура утеряна. Оставьте мне переложение, я просмотрю его, после завтра приходите, мы решим, стоит ли вообще ее играть, или надо переделывать сочинение».

Через два дня я явился в назначенный час, и Дмитрий Дмитриевич вернул мне клавиш, сказав: «Можно играть. Я позвоню в Ленинград, и вам вышлют партитуру. Переделывать ничего не надо. В этой симфонии есть что-то мне дорогое и теперь».

Помню, как, начав изучать партитуру, я несколько раз обращался к Д. Д. Шостаковичу с вопросами относительно встречающихся описок, необозначенных перемен темпов. Однажды, несколько обнаглев, я даже спросил его, не считает ли он слишком длинным фугато в третьей части. Не будет ли публике трудно долго слушать столь однообразное по фактуре место?

Дмитрий Дмитриевич, несколько покособившись,

сказал: «Пусть слушают, пусть слушают»... Теперь мне ясно, как было бы неверно сокращать это фугато, приводящее в результате долгого нарастания к кульминации карнавального веселья...

Дмитрий Дмитриевич, присутствуя на всех репетициях Четвертой симфонии, обычно никогда не прерывал работы дирижера, а записывал все замечания на папиросной коробке, чтобы сделать их потом, после окончания части. Очень редко они касались темповой или психологической стороны. Шостакович, в отличие от других авторов, видимо, считал, что его музыка может иметь много прочтений и не настаивал на единственной, удобной ему интерпретации. Возможно, здесь сказывалась его деликатность — в благодарности исполнителю и в нежелании навязывать ему иное решение уже продуманной и выученной вещи. Я помню только единственный случай резкого отзыва Дмитрия Дмитриевича об исполнении своего сочинения неким иностранным дирижером. На Эдинбургском фестивале тот ставил Восьмую симфонию и делал в тютюжке (3-я часть) непредусмотренное замедление в тубном эпизоде. На генеральной репетиции в присутствии автора этот маэстро, не останавливая оркестра, поворачивался к нему и спрашивал: «Гут?» — на что Дмитрий Дмитриевич кричал ему в ответ: «Нихт гут!». Дирижер говорил: «Данке» — и продолжал дирижировать. Этот эпизод Шостакович неоднократно рассказывал в кругу друзей, улыбаясь детской улыбкой и беспомощно разводя руками (характерный для него жест): «Так они и играли вечером. А что я мог сделать, если он говорит «данке» на мое «нихт гут»?..»

Но на репетиции Шостакович обычно был очень внимателен к балансу звучания. При этом он, желая выделить ту или иную группу, деликатно беря вину на себя, обязательно скажет: «Я тут неверно поставил нюанс — вторым скрипкам надо было написать не пиано, а меццо пиано. Кирилл Петрович, попросите их, пожалуйста, исправьте, а я внесу это в следующее издание».

Не могу не вспомнить и такой эпизод, характеризующий деликатность и кристальную душу композитора. Когда в ГДР широко отмечалось 200-летие со дня смерти И. С. Баха, из СССР приехала большая делегация во главе с Д. Д. Шостаковичем. Мне поручили на заключительном вечере дирижировать концертом Баха для трех фортепьяно. Исполнять его должны были М. В. Юдина, Т. П. Николаева и П. А. Серебряков. Однако М. В. Юдина поранила палец и играть не смогла. Дмитрий Дмитриевич согласился исполнить вместо нее партию второго фортепьяно.

Предварительные репетиции прошли благополучно, но на генеральной произошла маленькая заминка: в 3-й части каждый пианист по очереди играет небольшой сольный эпизод (инвенцию). Дмитрий Дмитриевич в своей инвенции слегка запнулся, но повторил два такта и закончил благополучно.

Вечером перед концертом он отозвал меня в сторону и сказал: «Кирилл Петрович, я ошибся в своем соло

на репетиции и очень волнуюсь. Разрешите, Павлуша Серебряков сыграет обе инвенции — и мою, и свою. Ведь все равно рояли стоят «хвостами» в публику и никто не видит, который из солистов играет». Я, конечно, согласился.

На концерте П. А. Серебряков отлично сыграл за Шостаковича инвенцию, но в своей собственной запутался и даже на мгновение остановился. После концерта я увидел Дмитрия Дмитриевича, стоящего в углу лицом к стенке, нервно протирающего очки. «Что с вами, Дмитрий Дмитриевич?» — испугался я. «Какая обидная накладка! Как мне стыдно!» — «Но вы-то тут при чем?» — «Ну как же! Ведь я подвел товарища, которому пришлось волноваться за оба сольных места, а публика-то не знает, что он выручал меня!»...

...Как-то весной 1970 года последовал звонок Дмитрия Дмитриевича с приглашением зайти к нему и познакомиться с новым сочинением. Были приглашены также Р. Б. Баршай и Р. С. Бунин. Дмитрий Дмитриевич показал нам Четырнадцатую симфонию на стихи Аполлинера, Лорки, Кюхельбекера и Рильке.

Играть ему было из-за болезни рук трудно. При этом он сам пел вокальную партию довольно тихим, я бы даже сказал, детским голосом, так что составить впечатление от произведения можно было, только следя по партитуре. Однако целый ряд лирических моментов (смерть поэта, «О Дельвиг, Дельвиг!» и другие) и тогда произвел потрясающее впечатление. Чувствовалось, что это сочинение особенно дорого Шостаковичу. После исполнения, во время чаепития, он как-то мимоходом сказал, что несколько ночей не спал, отдав переписчику рукопись партитуры. «Я все время пытался выяснить, смогу ли по памяти восстанавливать сочинение, если вдруг потеряется оригинал».

В мае 1970 года была организована открытая репетиция в Малом зале консерватории. Пели М. Мирошников и Е. Владимиров, дирижировал своим оркестром Р. Баршай. Конечно, в зале негде было упасть яблоку. Перед началом выступил сам Дмитрий Дмитриевич, который сказал, что этим сочинением polemизирует с отношением к смерти, как к избавлению от земных тягот и переходу в лучший мир. «Еще не скоро наши ученые додумаются, так сказать, до бессмертия, конец жизни неизбежен, нас это всех ждет, но ничего хорошего я лично в этом не вижу...»

Тут он напомнил слова Н. Островского о том, что жизнь дается только один раз и надо прожить ее так, чтобы не было мучительно стыдно за бессельно прожитые годы. В конце он добавил, с характерной для него заботливостью о мелочах, что так как у многих в зале он видит фотокопии партитуры, то просит осторожнее переворачивать страницы, чтобы не создавать шума.

Четырнадцатая симфония произвела на слушателей грандиозное впечатление...

Наши внуки когда-нибудь с гордостью будут говорить: «Мой дед был лично знаком с самим Шостаковичем».